

УДК 94(438)

DOI 10.25513/2312-1300.2017.4.161-169

А. А. Крих, С. А. Мулина

**«ПОЛЬША ДЕРЖИТСЯ БЕСПОРЯДКОМ»: ОБРАЗ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
ЭПОХИ РАЗДЕЛОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ
XX–XXI вв.***

Представлен анализ отображения на страницах российских школьных учебников истории XX–XXI вв. периода разделов Речи Посполитой, прежде всего образ польской шляхты. Рассматривается влияние на фактологическое и идейное содержание этого сюжета государственной идеологии, историографической ситуации и реформ образования.

Ключевые слова: Разделы Речи Посполитой; шляхта; учебники истории; культурная память; стереотипы.

А. А. Krikh, S. A. Mulina

**“POLAND IS SUPPORTED BY DISORDER”: IMAGE OF THE RZECZPOSPOLITA
OF THE ERA OF PARTITIONS IN RUSSIAN HISTORY SCHOOL TEXTBOOKS
IN 20th – 21th CENTURIES**

The article presents an analysis of the reflection the history of the partitions of Rzeczpospolita and, in the first place, the image of the Polish gentry in the pages of Russian school textbooks of the history of the 20th – 21th centuries. The authors are interested how the state ideology, situation in historiography and educational reforms had influence on the factual and ideological content of this plot.

Keywords: partitions of the Rzeczpospolita; Polish small nobility; history textbooks; cultural memory; stereotypes.

Интерес учёных к изучению учебников истории и представленных в них концепций прошлого обусловлен значением, которое сегодня приобретает в обществе историческая память. Внимание привлекает не только соответствие материала учебников современному состоянию историографии, но и проблема его соотнесения с национальными интересами государства, влияние содержания учебников на формирование гражданской идентичности школьников. Исследователи полагают, что школа так же, как и средства массовой информации, будучи транслятором знаний, является по своей природе идеологическим институтом [1, с. 11], а потому учеб-

ники могут рассматриваться как источник изучения культурной памяти российского общества, функционирующих в ней идентификационных маркеров и стереотипов.

Российско-польские отношения в значительной мере подвержены политике формирования исторической памяти. Не удивительно, что отражение польско-российской истории на страницах школьных учебников привлекает внимание как польских, так и российских исследователей [2; 3]. Удачной попыткой введения в школьный курс новейших исследований по проблемам польско-российской истории XIX в. можно считать пособие для учителей средней школы, созданное

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 16-01-00360 «Конфедераты в Сибири: между историей и мифом».

при поддержке Института Восточных исследований и Института всеобщей истории РАН [4].

Выбор образа Речи Посполитой периода разделов продиктован тем, что именно события этого времени стали отправной точкой в развитии как русской полонофобии, так и польской русофобии. Изучение отголосков польских разделов в культурной памяти двух народов важно для понимания специфики польско-русских взаимных стереотипов, а также нарратива национальных историй. Ключевая роль в событиях последней трети XVIII в. отводится польской шляхте, на которую многие историки возлагают ответственность за гибель польского государства.

При отборе учебников для исследования прежде всего принимался во внимание факт их включённости в школьную программу. При анализе текста учебников учитывались такие аспекты, как иерархия представленных в учебниках фактов, выбор интерпретационной модели, а также эмоциональная окраска текста.

С установлением в России советской власти начался процесс пересмотра школьных учебников по истории на предмет их соответствия новому идеологическому курсу. Часть учебников по русской истории, издаваемых на рубеже XIX–XX вв., была признана Наркомпросом пригодной для использования в советской школе. По инициативе А. В. Луначарского была создана научно-редакционная коллегия для срочного пересмотра старых учебников, но вплоть до 1923 г. новые учебники по отечественной истории составляли редкое явление [5, с. 183–184]. Как отмечал А. В. Шестаков, «в первые годы после революции частные издательства почти бесконтрольно все ещё переиздавали книги и учебники, авторы которых приспособились к требованиям программ 1913, а иногда даже 1897 г.» [5, с. 186].

В ранних советских переизданиях учебника для средних учебных заведений московского профессора Н. А. Рожкова проблема разделов Речи Посполитой была непосредственно связана с задачей «объединения русской народности», которая вышла на первый план со второй половины XVIII в. Судя по тексту учебника, первостепенное значение обозначенной задачи определялось не столь-

ко потребностями Российской империи, сколько слабостью Польского государства, которая выражалась в том, что «господство дворянства (шляхты) и угнетение крестьян дошло в это время в Речи Посполитой до крайней степени» [6, с. 82]. Особенности политического устройства государства обеспечивали «вольность» шляхты, открывали возможности для «интриг и подкупов со стороны соседей», дополненные равнодушием «угнетённого народа к судьбе отечества», делали Речь Посполитую «очень слабым государством» [6, с. 82]. Такая характеристика шляхты по сути сделала необязательным подробный рассказ о конфедерациях, создаваемых польскими дворянами для оказания сопротивления политическим нововведениям. В связи с этим конфедерация в Баре упоминается в тексте вскользь, как союз сторонников «католической партии», выступивших против решений сейма, принятых в отношении диссидентов под давлением России и Пруссии, а члены Тарговицкой конфедерации обозначены как «приверженцы старины», поддержанные сначала русскими, а затем и прусскими войсками [6, с. 83].

Аналогичным образом был оформлен учебный материал о «польских делах» России в учебнике Е. А. Звягинцева, в котором после разбора «дурных порядков», установившихся в польском государстве, кратко упоминается о борьбе «между сторонниками старых сеймовых порядков прежней шляхетской вольности и сторонниками серьёзных перемен в государственном устройстве» без соотнесения с конкретными шляхетскими политическими союзами, в связи с чем в учебнике умалчивается и о восстании Т. Костюшко [7, с. 97–101].

В «Учебнике русской истории» А. Ф. Гартвига и Н. Т. Крюкова, переиздаваемого в 1917–1919 гг. с разрешения Наркомпроса, в параграфе «Неурядицы в Польше» даётся описание положения внутренних дел в польском государстве накануне разделов, в которых значительная роль отводится положению польского дворянства, характеристике его политических прав и действий. Право *liberum veto* описывается как большое несчастье для поляков, «так как часто, по капризу какого-нибудь одного шляхтича, иногда даже подкупленного, нельзя было решить важного дела» [8, с. 236]. В этом же ключе

тракуется установленное законодательно право шляхтичей «...соединяться в союзы (конфедерации) и **силою оружия защищать свои права и вольности**» [8, с. 236].

В тексте учебника разводятся понятия «шляхта» и «поляки», которым приписываются свойства субъектов, носителей политической власти: «шляхта» одним своим «не позволяем» имеет право заблокировать деятельность сейма, а «поляки», исходя из принадлежности к католической вере и презрительному отношению к православному населению, подвергали последнее преследованию, из-за чего «крестьяне часто восставали на защиту своей веры, составляли шайки и под начальством запорожских казаков нападали на помещичьи усадьбы, жгли дома, убивали жителей» [8, с. 235].

Отношения с диссидентами, слабость королевской власти и вольности шляхты стали причинами постоянных смут и волнений в Польше: «...шляхтичи, жившие трудами крепостных крестьян и имевшие много свободного времени, постоянно образовывали вооружённые союзы и производили беспорядок внутри страны. Эти восстания шляхты были так часты, и жители так привыкли к ним, что сложилась даже поговорка: “Польша держится беспорядком”» [8, с. 236].

Учебники для школ первой ступени, одобренные Наркомпросом и переизданные в 1917–1919 гг., как правило, не имели в главах, посвящённых внешней политике Российской империи XVIII в., информации о разделах Польши [9, с. 55–56; 10, с. 159–162]. В этом отношении выгодно смотрелся «Элементарный учебник русской истории» А. Я. Ефименко, в котором материал о разделах Польши также начинался с характеристики политического устройства: «Польша была государством, сильно отличавшимся по своему устройству от других государств», несмотря на наличие монарха «на самом деле это была республика», и даже пояснялось значение названия «Речь Посполитая» [11, с. 163]. На этом нейтральная характеристика заканчивалась и далее следовало традиционное описание шляхетских сеймов: «Знатные паны, которые обладали огромными богатствами, составляли партии из более бедных дворян, старались захватить в свои руки власть и ссорились между собой» [11, с. 164].

«Слабой страдающей стороной» при таком политическом устройстве называется русская народность, что в принципе противоречит классовому подходу к пониманию истории и выделяет учебник А. Я. Ефименко на фоне остальных.

В первом же собственно советском учебнике по отечественной истории для начальной школы вообще отсутствовал раздел по внешней политике России [12]. Для средней школы, рабфаков и вузов первым советским учебником, трактующим события истории с точки зрения марксистского примата экономического базиса над политической надстройкой, стала «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, впервые опубликованная в 1920 г. и выдержавшая впоследствии 15 переизданий [5, с. 221]. Применительно к польскому направлению внешней политики Российской империи в последней трети XVIII в. заявлялось, что поскольку после Северной войны восточные области польско-литовского государства «...экономически зависели не от Варшавы, а от Москвы и Петербурга...», то «переход всех этих областей под политическую власть наследников Петра был только вопросом времени» [13, с. 88]. Подобный подход освобождал автора от необходимости рассматривать внутреннее устройство Речи Посполитой и, соответственно, характеризовать роль шляхты в политической жизни государства. М. Н. Покровский лишь замечал, что «польское дворянство сознавало эту свою зависимость от соседей...» [13, с. 88].

В начале 1930-х гг. на пике борьбы с любыми проявлениями оппозиционности и создания системы идеологического контроля над гуманитарными науками был поставлен вопрос о создании единого, не допускающего разночтений, подлинно марксистского учебника по истории. По результатам организованного в 1936 г. постановлением СНК и ЦК ВКП(б) конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по общей истории стал «Краткий курс истории СССР» под общей редакцией А. В. Шестакова. Учебник с 1937 по 1955 г. переиздавался 25 раз и был переведён как на языки народов Советского Союза, так и на ряд европейских языков.

В новом советском учебнике традиционно отмечалась роль враждующих между собой помещиков-панов в ослаблении Речи Посполитой, слабость которой иллюстрировалась примером о неспособности королевской власти справиться собственными силами с восставшими «украинскими крестьянами», «ходившими под властью Польши», в связи с чем народное восстание было подавлено военными силами России [14, с. 73]. Учебная книга для 4 класса С. П. Алексеева и В. Г. Карцова, сменившая в 1955 г. «Краткий курс...» под редакцией А. В. Шестакова, относительно российской внешней политики в конце XVIII в. лишь констатирует, что в состав России «вошла» Белоруссия, была «захвачена» Литва и на востоке «началось присоединение» Казахстана [15, с. 58].

Учебник для старших классов средней школы был издан несколько позднее, поэтому некоторое время школьники старшего возраста обучались по учебнику А. В. Шестакова. В 1940 г. для 9 класса Наркомпросом РСФСР был утверждён учебник «История СССР» коллектива авторов под общей редакцией А. М. Панкратовой, ученицы профессора М. Н. Покровского, который в дальнейшем переиздавался более 20 раз. В «Истории СССР» был расширен материал, посвящённый разделам Речи Посполитой, содержащий традиционное описание специфики государственного устройства Речи Посполитой, находящейся «...в состоянии полного внутреннего разложения» [16, с. 51]. В качестве конечного аргумента в изложении причин слабости центрального правительства приводилась практика недовольных решениями сейма шляхтичей устраивать военные конфедерации, которых «принудить... к подчинению можно было только военной силой» [16, с. 51].

Впервые в учебниках XX в. упоминаются марионеточные конфедерации, созданные российским представителем в Польше князем Н. В. Репниным с целью оказания давления на сейм. Три созданные конфедерации – из православных, протестантов и католиков – получали финансовую помощь от России, однако из текста неясна их роль в принятии сеймом закона об уравнивании прав диссидентов с католиками. В связи с этим вооружённая конфедерация в Баре трактуется как ан-

тироссийский шляхетский союз, поддерживаемый Францией. Нападение барских конфедератов на украинских крестьян спровоцировало на Украине казацко-крестьянское восстание, которое было подавлено российскими войсками из опасения, что оно перекинется в Россию.

Материал о разделах Речи Посполитой оказался в учебнике в разных главах: информация о первом разделе Польши излагалась в рамках описания внешней политики Екатерины II до крестьянской войны, а второй и третий разделы – в рамках описания борьбы Екатерины II с Французской революцией. Подобное разделение исторического материала было осуществлено по причине отнесения принятия четырёхлетним сеймом конституции 3 мая 1791 г. к проявлениям влияния революционной Франции. Соответственно, принимавшие участие в работе четырёхлетнего сейма были определены как «шляхетско-буржуазный блок», состоящий из «передовых слоёв шляхты», поддержанных буржуазией [16, с. 79]. Подобное распределение материала будет характерно и для многих учебников постсоветского периода.

Реакционными силами провозглашались польские магнаты, не желающие терять своих старых феодальных привилегий, создавшие Тарговицкую конфедерацию, которая призвала на территорию Польши российскую армию. Ответной акцией «буржуазно-шляхетской партии» стал «заговор против русского царизма», который возглавил Т. Костюшко. Восстание Костюшко изображалось как типичное буржуазное революционное движение, для руководителей которого характерна «нерешительная, нереволуционная тактика», выражавшаяся в боязни расширения социальной базы восстания: восстание «могло бы победить только в сочетании с крестьянской революцией, но шляхта боялась революции и не допустила её развития» [16, с. 80]. Таким образом, второй и третий разделы Польши трактовались как тактические действия, способствующие объединённой борьбе феодальных монархов Европы против революционной Франции.

В 1970–1980-е гг. в советской школе господствовал учебник М. В. Нечкиной и П. С. Лейбенгруба, воплотивший в себе все основные черты марксистского мировоззре-

ния и классового подхода. Польша второй половины XVIII в. была представлена на его страницах слабой и отсталой, что особенно было заметно в государственном строе страны. «В то время, как во многих других странах феодальная раздробленность давно была уничтожена, – подчёркивали авторы, – в Польше не сложилось централизованного государства. Польский король считался выборным и был игрушкой в руках польских панов» [17, с. 250]. Картину упадка дополняли следующие подробности: хозяйство Польши развивалось слабо, крестьянство «стонало под особо тяжёлым крепостным гнетом», феодальная эксплуатация задерживала развитие городов. Подобное описание не оставляет сомнений, что причины раздела авторы видят во внутренних проблемах Речи Посполитой. Неслучайно подпункт, посвящённый разделам, назван «Разложение и распад Польши».

Первый раздел и шляхетское движение барской конфедерации авторы игнорируют и останавливаются только на событиях, связанных со вторым и третьим разделами Польши, связывая волнения, которые развернулись тогда в Польше, с влиянием Французской буржуазной революции. Восстание Т. Костюшко трактуется как национально-освободительное, подчёркиваются весьма радикальные его черты, связанные с требованиями отменить крепостное право и провести политические преобразования, и ограниченность, поскольку преобразования так и не были реализованы. Практически повторяя текст учебника под редакцией А. М. Панкратовой, М. В. Нечкина и П. С. Лейбенгруб писали: «...руководители восстания не наделили крестьян землёй, даже не освободили их от тяжёлых феодальных повинностей. В результате восстание не получило широкой поддержки в массах. А без этого победить невозможно» [17, с. 251].

Присоединение к России Правобережной Украины и Белоруссии авторы называют «прогрессивным историческим делом». Идеологическую базу под это утверждение подводят несколькими параграфами ранее, когда речь идёт о присоединении Левобережной Украины к России. Здесь дано эмоциональное описание тяжёлого национального и религиозного гнёта польских панов, проявившегося в насаждении католичества, пре-

следованиями православной веры, издевательств над языком и обычаями украинского и белорусского населения.

Авторы школьных учебников 1990-х гг. старались уйти от однозначного толкования событий, дать учащимся представление о вариативности исторического развития, представить собственный взгляд на исторический процесс. В экспериментальном учебнике для 8 класса А. Л. Юганова и Л. А. Кацвы причины разделов Речи Посполитой, как и ранее, авторы находят во внутренней ситуации, сложившейся в Польше: хаосе в политической жизни, глубоком упадке в хозяйстве. Барские конфедераты изображаются противниками равноправия диссидентов и *liberum veto*, подчёркивается поддержка конфедератов со стороны Франции, боровшейся за влияние в Польше [18, с. 348]. Но социальная характеристика происходивших в Польше событий практически не прописана. В описании действующих лиц фигурируют такие определения, как «шляхта», «группа магнатов», «патриотически настроенные силы Польши».

Важным событием в развитии российского школьного образования стал 2004 г., когда был принят государственный образовательный стандарт по истории, определивший в качестве одной из целей исторического образования воспитание гражданственности, национальной идентичности. Появление этого документа дало толчок для многочисленных дискуссий о роли патриотического воспитания в школьном курсе истории России, но на материалах учебников появление стандарта не всегда отражалось, многие из них представляли собой переиздания книг, впервые опубликованных ещё в 1990-е гг., с минимальными изменениями содержания.

Практически все авторы говорят о глубоком кризисе, переживаемом Речью Посполитой, наиболее ярко проявившемся в бессилии институтов власти, что и открывало дорогу для вмешательства других держав во внутренние дела государства. «Польское дворянство – шляхта, прибравшая к рукам всю полноту власти, заботилось лишь о сохранении своих привилегий. Любые попытки серьёзных преобразований встречали её ожесточённое сопротивление». В результате одно из самых больших и в своё время самых

сильных государств было обречено на застой и отставание от соседних держав – Австрии, Пруссии, России, «управляемых хорошо организованными абсолютистскими режимами и развивающихся весьма динамично» [19, с. 80]. Актором внутренней политики Речи Посполитой выступает шляхта, но восстание Тадеуша Костюшко, обещавшего отменить крепостное право, приобрело «общенародный характер».

В тексте ничего не говорится о проблеме диссидентов, автор вспоминает о религиозной проблеме, лишь когда речь заходит об итогах разделов. Утверждается, что в присоединённых к России землях положение православных несравнимо улучшилось, а положение католиков ухудшилось, хотя католическая церковь в России находилась не в столь униженном положении, как православная церковь в Речи Посполитой [19, с. 82].

Наиболее подробно внутреннее устройство Речи Посполитой накануне разделов описано в учебнике для 10 класса Н. В. Загладина и Н. А. Симонии. Авторы говорят о том, что это было уникальное государственное образование, сохранившее в эпоху просвещённого абсолютизма все черты феодальной аристократической республики. После же принятия конституции 3 мая 1791 г., отменившей принцип единогласия в сейме, Речь Посполитая стала конституционной централизованной монархией [20, с. 251].

Все рассмотренные нами учебники содержат крайне скудные сведения о барской конфедерации. История с уравниванием прав диссидентов и католиков, упоминаемая практически всеми учебниками, однозначно позиционирует барскую конфедерацию как объединение, созданное для вооружённой борьбы против равноправия не католиков или же за «веру и свободу». Очень редко встречаются указания на социальный состав конфедератов. Но если об этом заходит речь, то авторы учебников ограничиваются упоминанием, что в конфедерацию вошла часть польской католической шляхты и магнатов. Социальная принадлежность конфедератов-католиков подчёркивается сведениями о том, что на Правобережной Украине против поляков восстали крестьяне [21, с. 194]. Самое безликое описание Барской конфедерации дано

в учебнике под редакцией Р. Ш. Ганелина, объясняющего, что утверждение влияния России в Речи Посполитой и избрание на престол Станислава Понятовского негативно восприняла «определённая часть польского населения», и разгоревшийся конфликт привёл к первому разделу Польши [22, с. 238].

В учебнике Т. В. Черниковой для обозначения польских антироссийских сил используется понятие «патриоты»: после первого раздела «польские патриоты» осознавали, что страна стояла на пороге гибели; в 1791 г. «польские патриоты» приняли на сейме новую конституцию [23, с. 213]. А вот пророссийские силы в Польше описываются более подробно: некоторые православные дворяне, а также магнаты и шляхтичи, недовольные усилением центральной власти, организовали прорусскую конфедерацию [23, с. 214].

Более подробно в учебниках рассматривается восстание Тадеуша Костюшко. Например, в учебнике О. Н. Журавлёвой говорится, что наряду с дворянством в нём участвовали торговцы, ремесленники, часть крестьян, которым обещали отменить крепостное право [24, с. 290]. А. А. Левандовский трактует восстание Т. Костюшко как общенародное и подчёркивает тот факт, что Костюшко обещал отменить крепостное право [19, с. 75]. Но большая часть авторов учебников пытается отойти от оценки социального состава движения, его классовой сущности, говоря лишь о целях восставших. Так, в учебнике А. Н. Сахарова для 7 класса целью восстания Т. Костюшко провозглашалось воссоздание единого и сильного Польского государства. При этом автор отмечал, что сами поляки не признавали прав других народов Речи Посполитой на национальную независимость [25, с. 234]. Схожие трактовки использованы в учебнике А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной, где события 1794 г. названы восстанием, направленным против дележа польских земель соседними государствами [26, с. 201]. В версии Н. В. Загладина и Н. И. Симонии Костюшко и его соратники выступали за восстановление Польши в границах 1772 г. и прекращение иностранной оккупации страны [20, с. 252]. И только однажды, в учебнике И. Л. Андреева и И. Н. Данилевского, встречается утверждение, что

восстание Т. Костюшко являлось национально-освободительным. Разделы Польши авторы называют национальной трагедией для этой страны, а негодование польского общества по этому поводу – справедливым. Это единственный учебник, где подчёркивается, что «исчезновение Речи Посполитой с карты Европы не могло пройти бесследно. Польское дворянство мечтало о национальном возрождении и не раз бралось за оружие. Эти выступления прусское, австрийское и русское правительства подавляли силой. Польская проблема будет давать о себе знать ещё многие годы спустя» [27, с. 203].

В учебниках, разработанных в соответствии с требованиями Концепции нового УМК по отечественной истории и Историко-культурного стандарта, не обнаруживаются общие тенденции в описании польских разделов. Наиболее подробно этот сюжет отражён в опубликованном в 2016 г. московским издательством «Дрофа» коллективном учебнике, где отмечается определённая закономерность вхождения Правобережной Украины и Белоруссии в состав Российской империи. «Процессам присоединения предшествуют долгие годы экономических и политических отношений, которые включают вассальную зависимость, автономию, имперское покровительство и в последующем – вхождение в состав империи», – пишут авторы [28, с. 152–153]. Неудивительно, что включение в состав империи восточнославянских земель, населённых украинцами и белорусами, исповедовавших православие, характеризуется как жизненно важная задача, наравне с приобретением выхода к Чёрному морю.

Авторы утверждают, что в разделе страны есть «значительная вина польских магнатов и шляхты»: «Они так и не решились предоставить равные права католикам и православным, ничего не сделали для облегчения участи крестьян, слишком долго сохраняли вносившее в общество разлад пресловутое *право вето*» [28, с. 154]. В целом польская шляхта изображается привыкшей к политической вольнице, раздражённой опекой России и ищущей за рубежом поддержку в неприятии этой опеки [28, с. 152].

Таким образом на отношение к польскому шляхетству и его роли в падении польского государства оказывал влияние ряд

обстоятельств: необходимость оправдания польских разделов, польско-российская конкуренция на территории Западного края, принадлежность шляхты к привилегированному сословию, репрессированному в советском государстве. По большей части все эти факторы способствовали закреплению отрицательной роли польской шляхты и конфедераций в учебниках по отечественной истории. Исключение представляло восстание Костюшко, которое можно было трактовать в зависимости от обстоятельств как народное, национально-освободительное и даже буржуазное.

В ранних советских учебниках история польских разделов была представлена отдельными, образно оформленными сюжетами, что являлось следствием традиции историописания, сложившейся в дореволюционный период. В позднесоветское время и в постсоветский период разделы Польши становятся провинциальным сюжетом в курсе истории России. Реформа образования мало сказывается на характере описания этих событий. Отчётливо прослеживается лишь стремление обосновать закономерность присоединения восточных польских земель к России, в чём позволили себе усомниться лишь редкие авторы учебников 1990-х гг. Стремление уместить историю польских разделов в узкие рамки школьного учебника приводит к упрощению материала. Прежде всего, остаётся невнятным описание движущих сил польской истории. Польская шляхта, с одной стороны, предстаёт реакционным элементом, препятствующим реформированию государства, способствующим вмешательству соседних государств в дела Польши. С другой стороны, для шляхты характерен патриотизм и попытки спасти страну от внешней экспансии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Школьный учебник истории и государственная политика / под. общ. ред. В. И. Якунина. – М. : Научный эксперт, 2009. – 376 с.
2. Столяров А. М. Война за польское наследство в современных российских школьных и вузовских учебниках истории // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Казань, 2016. – С. 135–141.
3. Бехтенова Е. Ф. Исторические сюжеты и методические доминанты в вопросах взаимоотно-

- шений России и Польши на страницах современных польских школьных учебников истории // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 114–119.
4. Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов. Конец XVIII – начало XX в. : пособие для учителей истории. – М. : ГАУГН-Пресс, 2016. – 320 с.
 5. Шестаков А. В. Школьные учебники и учебные пособия по русской истории в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.) // Учёные записки Московского областного педагогического ин-та им. Н. К. Крупской. – Т. 183 : Методика преподавания истории. – Вып. 2. – М., 1967. – С. 183–231.
 6. Рожков Н. А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. – 4-е изд., доп. – М. : Книга, 1918. – 106 с.
 7. Звягинцев Е. А. Краткий курс русской истории для двухклассных и высших начальных училищ. – 2-е изд. – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 136 с.
 8. Гартвиг А. Ф., Крюков Н. Т. Учебник русской истории для высших начальных училищ и торговых школ. – 3-е изд. – М. : Книгоизд-во К. И. Тихомирова, 1917. – 324 с.
 9. Андреев Н. Н. Русская история : для начальных училищ и младших классов средних учебных заведений. – 2-е изд., доп. – Пг. : Книга, 1918. – 76 с.
 10. Коваленский М. Н., Вейхельт О., Петрушевский В. А., Уланов В. Я. Книга по русской истории для начальных школ. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. Т-ва «Мир», 1919. – 193, V с.
 11. Ефименко А. Я. Элементарный учебник русской истории : курс эпизодический для средне-учеб. заведений и высш. начальных училищ : с 46 рис. и 5 раскрашенными карт. – 6-е изд., доп. – Пг. : Я. Башмаков и К°, 1917. – VIII, 200, [2] с.
 12. Замысловская Е. К. Учебник истории. – 4-е изд. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. – 158 с.
 13. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1–2. – Изд. 5-е, посмертное. – М. : Учпедгиз, 1934. – XII, 258 с.
 14. Краткий курс истории СССР. 3–4 классы / под ред. А. В. Шестакова. – М. : Учпедгиз, 1937. – 224 с.
 15. Алексеев С. П., Карцов В. Г. История СССР : учеб. кн. для 4-го класса. – 6-е изд. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1961. – 160 с.
 16. История СССР : учеб. для IX класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. – 2-е изд. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1941. – 272 с.
 17. Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. История СССР : учеб. для 7 класса. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 1985. – 287 с.
 18. Юрганов А. Л., Кацова Л. А. История России XVI–XVIII вв. : эксперимент. учеб. для VIII класса средних учебных заведений. – М. : МИРОС, 1994. – 424 с.
 19. Левандовский А. А. История. История России. 10 класс : учеб. для общеобразоват. организаций : базовый уровень : в 2 ч. / под ред. С. П. Карпова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2015. – Ч. 2. – 256 с.
 20. Загладин Н. В., Симония Н. А. История России и мира с древнейших времён до конца XIX века : учеб. для 10 класса общеобразоват. учреждений. – 8-е изд. – М. : ТИД «Русское слово – РС», 2008. – 400 с.
 21. Киселёв А. Ф., Попов В. П. История России. XVII–XVIII века. 7 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений. – М. : Дрофа, 2013. – 238, [2] с.
 22. История России : 7 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / [П. А. Баранов, В. Г. Вовина, И. М. Лебедева и др.] ; под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. – М. : Вентана-Граф, 2013. – 304 с.
 23. Черникова Т. В. История России. XVII–XVIII века. 7 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений / под ред. А. Н. Сахарова. – 6-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2009. – 269 с.
 24. Журавлёва О. Н., Пашкова Т. И., Кузин Д. В. История России : 10 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / под общ. ред. чл.-корр. РАН Р. Ш. Ганелина. – М. : Вентана-Граф, 2013. – 368 с.
 25. Сахаров А. Н. История России, XVII–XVIII века. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений. – 6-е изд. – М. : Просвещение, 2010. – 302 с.
 26. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. Конец XVI – XVIII век. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений. – 11-е изд. – М. : Просвещение, 2012. – 240 с.
 27. Андреев И. Л., Данилевский И. Н. История России с конца XVI по XVIII век. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Мнемозина, 2013. – 255 с.
 28. Андреев И. Л., Ляшенко Л. М., Амосова И. В., Артасов И. А., Фёдоров И. Н. История России: конец XVII – XVIII в. 8 класс : учеб. – М. : Дрофа, 2016. – 219 с.

Информация о статье

Дата поступления
30 сентября 2017 г.

Дата принятия в печать
30 октября 2017 г.

Article info

Received
September 30, 2017

Accepted
October 30, 2017

Сведения об авторах

Крих Анна Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: krikh_aa@mail.ru

Мулина Светлана Анатольевна – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: swetmulina@rambler.ru

Для цитирования

Крих А. А., Мулина С. А. «Польша держится беспорядком»: образ Речи Посполитой эпохи разделов в отечественных учебниках истории XX–XXI вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 161–169. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.161-169.

About the authors

Krikh Anna Alekseevna – Candidate of Historical sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: krikh_aa@mail.ru

Mulina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Historical sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: swetmulina@rambler.ru

For citations

Krikh A. A., Mulina S. A. "Poland is Supported by Disorder": Image of the Rzeczpospolita of the Era of Partitions in Russian History School Textbooks in 20th – 21th Centuries. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2017, no. 4 (16), pp. 161–169. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.161-169 (in Russian).